Добавил(а) Социология
23.04.11 14:41 -

Конференция
«СЛУХИ В РОССИИ XIX—XX ВЕКОВ: НЕФОРМАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И “КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ” РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» (Москва, ИНИОН РАН, 1—2 октября 2009 г.)

Конференция, посвященная слухам в России XIX—XX веков, — шестая международная встреча ученых, организованная челябинским Центром культурно-исторических исследований ЮУрГУ. Как всякое крупное мероприятие, она имеет свою историю. Обычно такая информация остается за рамками «сухих» отчетов. Но на этот раз, пользуясь возможностями, которые предоставляет издатель, хотелось бы начать не с описания дискуссионных проблем и краткого пересказа выступлений. Сначала — сюжет о том, как получилось, что почти три десятка интересных и умных людей собрались в одном месте для обсуждения нетривиальной исторической темы.
Два года назад группа челябинских историков под руководством профессора Игоря Нарского совместно с коллегами из берлинского Университета им. Гумбольдта, которых возглавил профессор Йорг Баберовски, организовала исследовательский проект «Слухи и насилие в истории России (сер. XIX — сер. XX вв.)». Проект был поддержан в рамках совместной программы РГНФ — DFG (Немецкого исследовательского общества). За два года работы участниками был накоплен определенный эмпирический материал по отдельным разрабатывавшимся темам и организована внутренняя дискуссия по методологическим проблемам проекта. Весной 2008 года было решено организовать более широкое обсуждение темы слухов в форме научной конференции. Поиск средств для проведения международного мероприятия был хлопотным, но завершился благополучно, подарив челябинскому центру замечательного партнера — Германский исторический институт в Москве. ГИИМ взял на себя финансирование участия в конференции ученых из российской провинции и предоставил площадку для заседаний.
С конференцией по слухам уже в ходе ее подготовки начали происходить интересные перипетии: вокруг нее стали ходить слухи. Организаторов, первоначально планировавших встречу как достаточно узкое и закрытое мероприятие, забросали заявками от исследователей из разных городов России. Источники информации о планирующемся мероприятии оказались самые удивительные — от «сообщений знакомых» до «живых журналов» в Интернете. В результате у сотрудников челябинского Центра прибавилось работы, но конференция пополнилась несколькими интересными приглашенными. Спасибо слухам!
Благодаря партнерству с ГИИМ челябинцы впервые организовали «выездной» международный форум. Эффект получился несколько неожиданный, но весьма интересный: столкновение различных традиций научной жизни придало конференции своеобразие и повысило ее результативность. Для организаторов конференции приятным сюрпризом стала заинтересованность московской научной общественности. Представители различных московских институтов, ученые исторических и неисторических направлений, заглянувшие «на огонек», с удовольствием участвовали в обсуждении, обогащая споры в аудитории взглядами «с другого берега» гуманитарного

знания. Челябинские историки «привезли» в Москву свой формат проведения международных форумов, известный тщательной предварительной подготовкой, жесткостью в соблюдении регламента и активным дискуссионным процессом. Замечательной иллюстрацией несовпадения формата конференции и столичного научного габитуса стало начало выступления одного из гостей. Московский историк выразил удивление по поводу непривычной пунктуальности: опоздав «всего» на три часа, он по привычке рассчитывал застать начало конференции и весьма сожалел, что пропустил значительную часть дискуссии. Другой участник заставил всех присутствующих улыбнуться, предложив дополнить известные челябинские «таблички», напоминающие докладчикам о регламенте, «черной меткой», означающей: «Ваше время действительно кончилось!»

Казусы, оживлявшие конференцию, разряжали атмосферу напряженного научного поиска, сразу же установившуюся на встрече ученых из разных городов и стран. Для обсуждения проблемы слухов в истории в Москву съехались историки, философы и политологи из Великобритании, Германии, России и Франции. «География» конференции охватила Берлин, Бремен, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Магнитогорск, Москву, Нижний Новгород, Оксфорд, Париж, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург и Челябинск. Из 25 исследователей большую часть составили представители исторического «цеха». Конференцию открыл директор ГИИМ Виктор Дённингхаус. После традиционных слов приветствия он начал обмен мнениями, фактически напомнив собравшимся о том, как плохо еще изучены глубины нашей классической литературы, и о том, что «все новое — это хорошо забытое старое». Цитата из Н.А. Добролюбова, издававшего в 1855 году «литературную, анекдотическую и только отчасти политическую» газету «Слухи», удивительно актуальна сегодня: «Наука в России имеет дело только с официальными фактами, только с тем, что заносится в акты, что определяется весом и мерою, годом и днем. Оттого-то она и знает только то, что в таком-то часу, такого-то числа загорелся в таком-то квартале дом и сгорел… А кто там жил, что потерпел от пожара, какое влияние имело бедствие на судьбу его, что он спас и что потерял, куда потом переехал и пр., — это вещь совершенно посторонняя для исторической полиции. Да и негде разыскать все это… Разве остановиться на улице и послушать, что толкуют в народе… Но об этом никто и не думает, по крайней мере не думал до сих пор… А между тем здесь-то и материал для историка»1.

Первый тематический блок конференции был посвящен общим проблемам понимания слухов и способов «работы» с ними в процессе научного анализа. Заседание началось с краткого выступления директора челябинского Центра культурно-исторических исследований профессора И. Нарского, который познакомил собравшихся с предысторией конференции, рассказав о проекте «Слухи и насилие», о достижениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться международной команде в процессе его реализации. Среди наиболее сложных проблем изучения слухов Нарский назвал неоднозначность самого объекта исследования, необходимость скрупулезной критики источников, непроясненность механизмов появления и распространения слухов. Собравшимся на конференцию ученым, подчеркнул Нарский, предстоит нелегкая задача — понять друг друга: больше двух десятков текстов, представленных для обсуждения, содержат не менее дюжины определений слухов. Эстафету подхватил исследователь из Воронежа Дмитрий Горбатов, наглядно продемонстрировавший, что даже «классика»

слуховедения является предметом споров. Он построил свое выступление вокруг критики нескольких устоявшихся подходов: точки зрения психопатологии, математической модели слухов Оллпорта—Постмэна и анализа слухов как феномена индивидуального сознания. Наиболее эффективным уровнем «работы» со слухами, с точки зрения Горбатова, является микрогрупповой. Непростой вопрос о возникновении слухов Горбатов предлагает решать с учетом трех факторов: гомогенного психологического состояния группы (по Росноу), степени достоверности слуха (в рамках теории социального сравнения Фестингера) и стрессовой ситуации как условия роста тревожности и тяги к аффилиации в группе.
Согласно традиции, сложившейся на конференциях челябинского Центра, участники заранее ознакомились со всеми материалами. Поэтому проблемы, затронутые первыми докладчиками, сразу же нашли широкий резонанс в аудитории. Часовая дискуссия охватила широкий круг вопросов: как трансформируются слухи в течение периода их существования; как связать микрогрупповой принцип существования слухов с теми случаями, когда они охватывают все население; можно ли использовать слухи как инструмент для понимания политической культуры; каким образом коррелируют слухи с понятиями исторической ситуации и общественности; чем отличаются слухи, циркулировавшие в России XVI—XVIII веков, от слухов более поздних исторических периодов; какова роль средств коммуникации в распространении слухов; как отличить слухи от «сконструированной» информации, распространяемой по каналам пропаганды, и др.
Второй тематический блок конференции был посвящен проблеме исторического контекста, в котором возникают слухи, и причинам актуализации неформальной коммуникации. Обсуждение этих аспектов было инспирировано докладами Марины Потемкиной (Магнитогорск) и Евгения Кринко (Ростов-наДону) о слухах в годы Великой Отечественной войны, Бориса Колоницкого (Санкт-Петербург) о слухах вокруг императрицы Марии Федоровны в годы Первой мировой войны и Марка Эли (Париж) о слухах после смерти Сталина. Первоначальный замысел организаторов состоял в том, чтобы выяснить, насколько гуманитарные катастрофы (например, войны) и кризисы систем господства влияют на производство и распространение слухов. Обсуждение сразу же вышло за рамки поставленных вопросов и охватило широчайший спектр теоретических проблем. Выкладки методологического характера, представленные в докладе Е. Кринко, сразу же вызвали бурное обсуждение эпистемологической ценности классификации слухов. Аудитория разделилась на сторонников точки зрения о малоэффективности различных классификаций слухов для исторических исследований и защитников «полезности» их типологизации. Первые аргументировали свою позицию, главным образом, тем, что любая категоризация (по выражаемым эмоциям, степени достоверности и пр.) не объясняет механизмов возникновения, функционирования и распространения слухов. Доводы второй группы разнились в зависимости от отрасли знания. Специалисты в области пиар-технологий ратовали за прикладной характер классификаций, позволяющий на их основе конструировать «антислухи» для борьбы с неформальной коммуникацией (Маргарита Булатова). Историки, для которых борьба со слухами ценна лишь как историографический артефакт, видели целесообразность типологизации в применении методов «плотного описания», когда исследователь как бы помещается в среду «обитания» слухов и слой за слоем «снимает» их значения (И. Нарский). В ходе обсуждения были подвергнуты сомнению тезисы о слухах как эрзаце

недостающей информации и о неформальных сообществах как «источниках» распространения слухов. С точки зрения Александра Голубева, слухи необходимо рассматривать в контексте конкретного политического режима. Тоталитарный политический режим, о котором речь шла в докладах, посвященных периоду Великой Отечественной войны, не всегда ограничивал циркуляцию информации. Скорее, он осуществлял тщательный контроль за информацией. Одновременно историк отметил, что на основе имеющихся в распоряжении историков источников нельзя делать однозначный вывод о том, что слухи рождаются в неформальных объединениях. Специфика документов советского довоенного и военного периодов (в основном это сводки ОГПУ), скорее, говорит о том, что слухи преимущественно фиксировались в момент образования неформальных групп. Габор Риттершпорн (CERCEC EHESS/CNRS 2, Париж) заострил внимание аудитории на том, что определенные сюжеты слухов возникают в самые разные исторические периоды с завидным постоянством: например, слух об умерщвлении младенцев, послуживший иллюстрацией к докладу М. Потемкиной, перекликается с апокалиптическими слухами других эпох и библейской историей об избиении младенцев. К серьезным размышлениям призывало выступление этнолога Сергея Соколовского, в котором прозвучал упрек историческому «цеху». Как объяснил суть своей критики гость конференции, вместо выявления конкретно-исторической специфики слухов, циркулировавших в российском обществе на различных этапах его существования, в аудитории с каждым новым штрихом набрасывается образ «человека универсального». Б. Колоницкий на примере своего исследования показал собравшимся, что не только кризис может быть «мотором» производства слухов, но и слухи являются составным элементом кризиса. Слухи о том, что вдовствующая императрица Мария Федоровна не датчанка, а немка, обвинения ее в государственной измене и сексуальные «скандалы» вокруг царственной особы вносили свою «лепту» в падение авторитета господствовавшего режима. Эту же тему, наряду с другими поднятыми в докладе вопросами, развил М. Эли применительно к кризису сталинского режима после смерти «вождя народов». Слухи о бесчинствах зэков, амнистированных по поводу трагического события, спровоцировали обострение борьбы в кругах властвовавшей советской элиты. Кроме этого, Эли поставил целый ряд проблем методологического характера. Он затронул сложные для исследователей аспекты, связанные с автоматическим причислением слухов к «негативным оценочным категориям», слишком широким толкованием понятия «слухи» и использованием инструментария социальной психологии (например, таких понятий, как коллективное сознание или коллективное бессознательное, массовые инстинкты и т.п.). В последнем случае, по мнению историка, исследователи поддаются соблазну упрощенной интерпретации, сводя всю сложность исторического контекста к ничего не объясняющим терминам. Вопрос о роли пресуппозиции историка при работе с феноменом слухов еще раз был поднят в ходе развернувшейся дискуссии. Г. Риттершпорн отметил, что негативная коннотация слухов — это, вернее всего, результат влияния позитивистов на историческую науку, которое привело к трактовке исторического факта как «правдивого отражения» прошлого. М. Эли связал появление негативизма по отношению к слухам с рождением в начале XX века социальной психологии. В советском контексте эта традиция получила мощную подпитку, так как слухи интерпретировались чаще всего как проявления несознательности народных масс. Колоницкий выразил свою солидарность с Эли по поводу «нашей интеллектуальной генеалогии». Как иронично подметил питерский

исследователь, предшественниками историков, вероятно, были «офицеры спецслужб», помещавшие в своих аналитических отчетах обзоры «вздорных слухов» в графе «настроения крестьянства». Завершающие такты дискуссии были посвящены вопросу о релевантности «подтверждаемости» слухов. И опять мнения аудитории разделились «вдоль» профессиональных границ. Специалисты по пиар-технологиям утверждали, что слухи перестают быть слухами после того, как подтверждаются. Историки же подвергли сомнению «аксиоматичность» и «объективность» самого факта подтверждения. Изящную точку в дискуссии поставил гость из Института востоковедения Александр Лакшин, рассказавший о том, как Н. Эйдельман, который издавал когда-то сборник «Прометей», выпустил специальный номер, посвященный слухам. В нем известный историк продемонстрировал, что вне зависимости от того, подтверждается слух или нет, он становится фактом истории и может служить предметом анализа — например, как индикатор отношения населения к власти.
Вторая половина дня была посвящена обсуждению источников и среды бытования альтернативной коммуникации. Игорь Побережников (Екатеринбург), Юлия Сафронова (Санкт-Петербург), Оксана Нагорная (Челябинск) и Ольга Никонова (Челябинск) представили свои исследования, предметом которых стали слухи, циркулировавшие в различных социальных «организмах» — среди крестьянства, в городских слоях населения, в лагерях русских военнопленных в Германии, среди красноармейцев. Доклад екатеринбургского исследователя И. Побережникова, выходивший за рамки хронологии конференции и посвященный слухам в восточных регионах страны в XVIII—XIX веках, заставил вернуться к обсуждению специфики слухов в досовременных обществах. Отвечая на вопросы, Побережников отметил, что в традиционных обществах слухи циркулировали, главным образом, в «сословных рамках», с этим была связана и их меньшая мобильность. Гендерная специфика слухов в традиционных обществах выражалась в том, что мужчины (согласно источникам) были распространителями преимущественно социально значимой информации, а слухи бытового и конфессионального характера «пользовались популярностью» у женщин. Военная тематика неожиданно вызвала интерес к проблеме «умирания» слухов. Аллюзии, возникшие при воспоминании о спорах первой половины дня, расположили аудиторию к интеллектуальным «играм». Были высказаны предположения, что слухи не «рождаются» и не «умирают», а лишь временно «уходят» в некий общий «культурный резервуар», где «хранятся» вплоть до следующей активирующей их ситуации. С этим, в частности, можно связать слухи похожего содержания (апокалиптические, сконструированные в духе «теории заговора» и проч.), с завидным постоянством возникающие на различных этапах российской истории. Вопрос о сути этого «культурного резервуара» вызвал полемику, в которой были предложены (опять же в связи с профессиональными склонностями) самые различные версии: «коллективное бессознательное», традиционная мифология, культурная традиция, коллективная память и даже «культурное бессознательное».
Второй день работы конференции продолжил работу третьего тематического блока докладами Тадцио Шиллинга (Берлин) о слухах «при дворе» Сталина и Николая Митрохина (Бремен) о слухах в аппарате ЦК КПСС. В процессе их обсуждения вновь был поднят вопрос об определении слухов, и в частности о критериях разделения слухов и вербально передававшейся информации. Эта проблема приобретает особую актуальность при работе с советским периодом в связи со спецификой организации и

функционирования недемократических режимов. Гость из Французского исторического центра Лариса Захарова сделала интересное замечание о том, что и сегодня, когда доступ ко многим архивным документам советского периода закрыт, любая документально не подтвержденная информация может казаться исследователю слухом. Ключевым в дискуссии оказался вопрос о месте слухов в технологиях господства и управления.

В блоке, посвященном «опыту содержательной типологизации неформальных нарративов», были представлены доклады А. Голубева (Москва) и Светланы Быковой (Екатеринбург), которые иллюстрировали «светские» слухи, выступления Джулии Манхерц (Оксфорд), И. Нарского (Челябинск) и Ульрике Хун (Берлин) о слухах «религиозного» характера. Обсуждение «светских» слухов строилось вокруг двух основных тем — вопроса о влиянии исторического контекста на специфику содержания слухов и проблемы исследовательского подхода к информации в материалах, зафиксировавших способы неформальной коммуникации в обществе. В качестве специфики «военных» слухов 1920— 1930-х годов А. Голубев выделил смену этнических стереотипов политическими образами и тенденцию к «превращению мира иррациональных слухов в рациональные реакции» населения. Обсуждая слухи религиозного содержания, участники вновь подчеркнули, что в советском обществе слухи брали на себя функцию посредника между системой господства и общественностью (в частности, между государством и верующими) и выступали как способ осуществления государственной политики по отношению к определенным группам населения. У. Хун, характеризуя механизм посредничества, назвала слухи «тихой почтой» между властвовавшей элитой и религиозными группами. Религиозные слухи, как выяснилось в процессе дискуссии, в значительной степени подтверждают взгляд исследователей на большевизм как светскую религию. С точки зрения Г. Риттершпорна, слухи отражают конкуренцию между каноническими представлениями о Страшном Суде и спасении и страхами и надеждами, которые связывали с действиями большевистского режима. Тема Дж. Манхерц снова вызвала к жизни обсуждение проблемы культурных напластований в слухах.

Послеобеденное заседание второго дня было посвящено двум основным темам — «слухам как поводу для насилия, властных санкций и массовой мобилизации» и «перспективам неформальной коммуникации в постсовременных обществах». Первый тематический блок представили Штефан Визе (Берлин) с исследованием связи холерных бунтов со слухами, Любовь Ульянова (Москва), познакомившая собравшихся с результатами изучения роли слухов в работе политической полиции в Российской империи, и Тамара Шукшина (Челябинск), продемонстрировавшая механизм действия слухов в ходе еврейских погромов. Ключевым вопросом при обсуждении этих докладов стала критика источников. «Слепое» следование за источником, особенно если это полицейские отчеты или аналитические обзоры, как отметили участники конференции, может привести к повторному «конструированию» исторического прошлого с точки зрения полицейского чиновника. Как выразился Г. Риттершпорн, полицейские чины не нуждались в интерпретации слухов, они всего лишь использовали их для подтверждения уже имевшейся в их сознании версии происходившего. Под занавес конференции участникам была предоставлена возможность познакомиться с тем, как работают со слухами собратья по гуманитарному знанию — специалисты в области политологии и пиар-технологий. М. Булатова (Иркутск) продемонстрировала, каким

образом «работают» слухи в рекламной сфере, как они создаются и как с ними борются. Надежда Радина (Нижний Новгород) представила результаты своего анализа использования слухов в процессе избирательных кампаний и деятельности политических движений. Историкам эта «экскурсия» в сегодня показалась любопытной, но «каждый остался при своем». Показательной стала ремарка Б. Колоницкого, который поблагодарил докладчиков «современной секции» за демонстрацию «силы конспирологического сознания» и предостерег историков от опасности «чекистскодиссидентского» дискурса. Большая часть присутствовавших согласилась с тем, что исследователи не должны использовать бинарные оппозиции, которыми мыслит массовое сознание. Пиар-технологии предлагают моноказуальное объяснение мира, который на самом деле гораздо сложнее (Г. Риттершпорн).
Оба рабочих дня конференции завершали итоговые дискуссии. Они позволили четко очертить «болевые точки» исследований слухов и обозначить методологические проблемы, возникающие в процессе анализа этого феномена. Е. Кринко отметил, что за два дня работы собравшимся так и не удалось выработать единой дефиниции слухов, что является нормальной, «рабочей» ситуацией конференции. В то же время он признал, что обсуждение существенно продвинуло аудиторию в понимании того, что такое слухи. Дискуссия показала недостатки существующего терминологического аппарата и обнаружила дефицит методологического инструментария при работе со слухами. Большая часть собравшихся согласилась, что слухи нельзя рассматривать как исторический источник. Они являются предметом исследования и служат одним из многочисленных инструментов для интерпретации группового поведения, процессов формирования идентичности, индикатором политической культуры и системы взаимоотношений «власть — общество». Вместе с тем слухи самоценны как конструкторы реальности (И. Нарский) и в связи с этим обладают серьезным познавательным потенциалом в исследовании социального опыта. Как оказалось, историческое понятие слухов не идентично тому, что понимают под слухами социология, политология или социальная психология. Целый ряд аспектов, релевантный для этих гуманитарных дисциплин, становится маргинальным в рамках исторического исследования (критерий подтвержденности/неподтвержденности, преувеличение роли типологизации, прикладные вопросы борьбы со слухами). Вместе с тем исторические исследования зачастую страдают слишком расширительным толкованием слухов, когда под ними понимается любая устная или неформальная коммуникация. Была подчеркнута значимость постоянной рефлексии по поводу возможных «манипуляций» исследователя источниками (М. Эли). Важными при работе со слухами являются глубокая критика источника, внимательное отношение к собственным исследовательским «предрассудкам», которые нередко настолько «органично» встроены в историографическую традицию, что с трудом поддаются рефлексии. Для историка в равной степени опасны и просветительский пафос, и здравый смысл в качестве компенсации источниковых лакун (И. Нарский).
Деконструкция смыслов на основе анализа слухов открывает дополнительные познавательные возможности для целого ряда современных направлений исторических исследований — истории эмоций, истории опыта, истории памяти. При этом для историка важно не впасть в соблазн антропологизации слухов — создания «человека универсального» (С. Соколовский), вневременного, живущего в мире вечных мифов и во власти «коллективного бессознательного». Дискуссия обозначила темы, которые

нуждаются в дополнительном исследовании, — вопрос о разграничении слухов и фольклора, слухов и дискурса, проблема дефиниции того «культурного багажа», из которого слухи черпают свои интерпретационные образцы, необходимость анализа культурной памяти как социологической антитезы коллективному бессознательному в рамках исследований по истории слухов. Исследователи отметили важность дополнительного изучения такого аспекта, как соотношение иррационального и рационального в слухах. Если содержательно слухи часто оказываются иррациональными, то механизмы их распространения и влияния на социум часто оказываются чрезвычайно рациональными. М. Потемкина обозначила круг вопросов, который можно было бы назвать «перспективным планированием» исторического слуховедения: необходимость исследования универсальных и конкретно-исторических составляющих слухов; дифференциация слухов в исследованиях в аспекте использования этнических и гендерных стереотипов; изучение механизмов использования слухов в технологиях господства (в исторической ретроспективе) и др.
Завершая обзор, хотелось бы отметить, что организаторы и участники конференции расстались с ощущением, что их встреча удалась — и в научном, и в «общечеловеческом» смысле. Обсуждение проблемы, собравшей всех вместе, вновь подтвердило глубину русской классики: «Говорят о предмете до тех пор, пока полагают, что не все еще знают о нем… Как скоро известие облетит всех, его тотчас оставляют и забывают. Таким образом, каждый день являются новые вести, сплетни, мнения, задачи, решения, вопросы и ответы, словом — слухи, и каждый день они исчезают и заменяются другими, так что и записать их не успеют… А между тем сколько резких, живых, характеристических черт в этих эфемерных разговорах! Это не мертвые числа и буквы, не архивная справка, не надгробная надпись умершему, — нет, это сама жизнь с ее волнениями, страданиями, наслаждениями, разочарованьями, обманами, страстями, — во всей красоте и истине. Неделя этой жизни научит вас больше, нежели семь томов мертвой статистики. Десяток живых современных черт объяснят историку целый период гораздо лучше, нежели двадцатилетние изыскания в архивной пыли, где он найдет только блестящие реляции о темных делах, указы, которые никогда не исполнялись, да следствия, в которых невозможно отыскать причины…»3
О.Ю. Никонова
1) См.: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0880.shtml.
2) Центр изучения российского, кавказского и центральноевропейского пространств, Национальный центр научных исследований в Париже.
3) См.: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0880.shtml.